ской национальности», славянский этнический элемент играл значительную роль в жизни империи. Именно поэтому, изучая историю Византии, мы очень часто останавливаемся на таких событиях или личностях, которые связаны с историей славянства.

В связи с деятельностью Кирилла и Мефодия сказано несколько слов относительно общей политики Византийской империи и Запада по отношению к славянству во второй половине IX в. Совершенно правильно автор указал, что за обострившейся тогда борьбой между Царьградом и Римом стоял не только узко религиозный или церковный спор, но более глубокие, политические причины. По его словам, в то время встает вопрос о чем-то «большем, нежели соперничество в церковной сфере», а именно о «конфликте из-за гегемонии между Визатийской и Германской империей». В нескольких строках рассказано о деятельности основоположников славянской письменности.

По моему мнению, можно не согласиться лишь с определением Кирилла и Мефодия как «двух греческих священников». Не вступая в полемику и не пытаясь исчерпать здесь этот уже давно спорный вопрос, я должен указать, однако, что более правдоподобным представляется мнение о их славянском происхождении. В начальный период своей деятельности славянские первоучители состояли на службе Византийской империи, в частности царьградской церкви, однако несомненно, что в их жилах текла славянская кровь (они были славянами вероятнее всего по материнской линии). Лишь гипотеза об их кровной связи со славянством могла бы удовлетворительно объяснить нам многое в их деятельности. Сама христианизация славянских народов в ту эпоху рассматривается как «необходимое условие допущения в семью европейских народов», а процесс христианизации с помощью греческого или латинского языка — как продолжение «старого процесса распространения средиземноморской цивилизации посредством романизации или эллинизации».

Действительно, как отмечает Пиккио, употребление национальных языков в церковной письменности и при богослужении могло содействовать их оживлению и облагораживанию, т. е. превращению их в литературные языки; наконец, оно оберегало эти языки «от полной ассимиляции». Заслуживает упоминания также утверждение автора, что именно деятельность Кирилла, Мефодия и их учеников среди различных ответвлений славянского племени обнаруживает «языковое единство» славян. Миссионерская деятельность двух славянских просветителей и их непосредственных учеников в Великоморавии и Паннонии все еще находилась под сильным влиянием царьградской церкви. Пиккио правильно отмечает, что когда — после смерти архиепископа Мефодия (885 г.) и изгнания его учеников из Великоморавии — славянская письменность и ее носители нашли убежище в Болгарии и были, по его словам, «приняты независимыми славянами в Болгарии», кирилло-мефодиевское дело высвободилось из-под надзора царьградской церкви. В конце главы, посвященной деятельности славянских первоучителей, автор подчеркивает, что *именно с этого времени, со старославянской эпохи, начинается литературное развитие как южных, так и восточных славян.*

На нескольких страницах изложен вопрос о Киевской Руси и отношениях между славянами и варягами. Автор осторожно указывает на существование разных теорий: «норманистов» и «антинорманистов», заявляя при этом, что, несмотря на наличие в настоящее время многочисленных работ,[6] вопрос о происхождении имени русского народа не может счи-

[6] Почти вся более ранняя литература вопроса указана в последнем труде А. В. Соловьева «Византийское имя России»: Византийский временник, т. XII. М., 1957.